Сумерки сгущались, и кроваво-красный закат окрасил половину неба. Золотистые лучи, преломляясь, накрыли открытую террасу, словно наложив на неё дымчатый фильтр.

— Брат, ты же знал, что сегодня семейный ужин, зачем привел её?

Мужчина, стоявший с руками в карманах, встретил гневный вопрос сестры невозмутимым тоном:

— Я уже представил её.

— Я не признаю этого и не соглашусь.

Она по-детски надула губы и отвернулась, не желая его слушать. Мужчина внезапно улыбнулся, но рука, которую он протянул было к ней, замерла в воздухе. Он незаметно смахнул с глаз набежавшую тоску и констатировал свершившийся факт:

— Мы все выросли, и никто не может быть рядом вечно. К тому же, ты когда-нибудь выйдешь замуж. Слышал, ты общаешься с Вэй Шанем — если всё серьезно, приведи его, пусть родители посмотрят…

— Лян Сесяо! — закричала Цзи Фаньинь сквозь слезы, а затем, словно переполненная обидой, добавила тише: — Ты обещал, что будешь заботиться обо мне всю жизнь… У тех, кто нарушает обещания, нос растет…

Она говорила бессвязно, заливаясь горькими слезами. А он мог лишь с болью в сердце стоять рядом, сжав кулаки, и уже не смел, как раньше, беззаботно обнять её, утешить или развеселить.

Нет в мире боли сильнее, чем та, когда приходится отдать другому сокровище, которое берег долгие годы.

***

В кофейне, пропитанной ароматом старых добрых времен, густо пахло кофейными зернами.

— Фаньинь, ты искала меня?

— Хватит притворяться, здесь посторонних нет.

Женщина с легким макияжем изящно поправила прядь волос и с напускной улыбкой произнесла:

— О чем ты? Я не понимаю.

Цзи Фаньинь с грохотом поставила кофейную чашку на стол из красного дерева. Холодная и гордая, подобно цветку на вершине горы, она прямо перешла к делу:

— Ты позарилась на деньги моего брата или на статус нашей семьи?

— Думаю, ты ошибаешься…

— Десять минут, — Цзи Фаньинь взглянула на часы, — у меня нет времени на твои бредни.

Женщина напротив притихла, и выражение её лица мгновенно изменилось.

— Цзи Фаньинь, ты правда думаешь, что в этом мире нет секретов? — её слова прозвучали как насмешка, острая, словно лезвие.

— Что ты имеешь в виду? — нехорошее предчувствие кольнуло сердце.

— Участвовать в конкурсе с украшениями, которые создал твой брат, и при этом бесстыдно приписывать их себе — тебе не стыдно?

Цзи Фаньинь вздрогнула. Её лицо побледнело, а тонкие пальцы, лежавшие на подлокотнике, судорожно вцепились в край. Весь её мир, словно город после разрушительного шторма, охватила паника.

Женщина была довольна произведенным эффектом. Опершись руками о край стола, над которым еще вился пар от кофе, она подалась вперед, продолжая наступление:

— Если я расскажу об этом, как думаешь, не рухнет ли в одночасье вся карьера кое-кого, у кого такое блестящее будущее?

Сказав это, она победно усмехнулась.

— Значит, — Цзи Фаньинь смотрела на неё с нескрываемым гневом, — ты шантажируешь моего брата этим делом, заставляя его встречаться с тобой и жениться?

— Да, и что с того?

Смех женщины был резким, словно скрежет двух острых ножей. Кровь в жилах Цзи Фаньинь застыла, а в голове промелькнуло желание задушить её.

***

В тот день в Иншане, столице государства Инчжоу, стояла прекрасная погода. Все только и говорили, что о проходящем раз в десять лет состязании трех государств.

Представители знатных родов и высшей аристократии были приглашены посмотреть на это захватывающее зрелище. Соревнования включали как интеллектуальные, так и боевые дисциплины, но проходили в дружественном ключе.

— Смотрите, она идет.

Девушка в пурпурном платье подтолкнула свою спутницу в темно-красном наряде. Те тут же зашептались:

— И правда красавица, только вот холодная и отчужденная.

— А без такой внешности разве можно было бы вскружить голову Третьему вану?

— Но я слышала, что принцесса Яохуа из государства Фанчжан тоже неравнодушна к нему?

— Мало того, она и танцует божественно, и в поэзии сильна — королева видит её своей идеальной невесткой.

— Дочь канцлера или принцесса соседнего государства — если бы ты была Третьим ваном, кого бы выбрала?

— Хм… конечно, хочется и то, и другое…

Их смех становился всё громче, они никого не стеснялись.

— Вернись, — Цзи Фаньинь остановила Хун Сяо, которая уже собиралась пойти и разобраться с ними. Её прекрасное лицо оставалось невозмутимым.

— Они же ведут себя просто беспардонно! — Хун Сяо топнула ногой от негодования. — Они просто пользуются вашей добротой, госпожа!

— Разве быть великодушной — это плохо? — не спеша поставив чашку, спокойно спросила Цзи Фаньинь.

Хун Сяо не нашлась что ответить, лишь бросила сердитый взгляд на хохочущих девиц и неохотно прикусила язык.

Первым состязанием был футбол в одни ворота. Женские команды выступали первыми. Красные и белые выстроились по обе стороны поля: задача была в том, чтобы, не давая мячу коснуться земли, забить как можно больше голов в кольцо. Для Ци Цзесянь, выросшей на границе, победа была делом решенным.

— Госпожа, посмотрите, в самом центре — принцесса Яохуа из Фанчжана.

Сердце Цзи Фаньинь сжалось, словно в нем смешались все вкусы мира — горечь, сладость, кислота. На губах появилась странная улыбка. Та самая, что обещала уничтожить её репутацию, сейчас сияла от радости на поле.

— Третий ван и ван соседнего государства идут!

Когда команды вышли на поле, трибуны взорвались ликованием. Лян Сесяо, одетый в синий костюм, невольно бросил взгляд вдаль, полный одиночества. Он слегка перебирал пальцами пояс, словно пытаясь что-то передать.

— Состязание начинается, команды, займите свои места.

После окрика судьи в черном Лян Сесяо был вынужден отвлечься. Его взгляд похолодел — с тем, кто стоял напротив, ему предстояло разобраться самому.

Ощутив, что жгучий взгляд с неё наконец перевели, Цзи Фаньинь облегченно выдохнула. Она опустила глаза, закусив губу, и в её душе разлились вина и горечь.

В этот момент, когда она была погружена в пучину печали, на поле произошел инцидент: мяч, зажатый между игроками двух команд, внезапно полетел прямо в сторону зрительских трибун. Обладая огромной силой, он несся прямо к дочери канцлера. Люди ахнули, не успев даже среагировать.

Лян Сесяо помрачнел. Оттолкнувшись от земли, он стремительно бросился вперед, и когда его нога уже касалась вращающегося мяча, на нем оказались еще одни сильные руки. Вэй Шань в белом одеянии коснулся мяча почти одновременно с ним. Зависнув в воздухе, они напоминали двух огромных птиц.

— Хорошо! — раздался гулкий голос Лян Дицзюня, выразившего свое одобрение. Остальные, выдохнув, начали аплодировать им обоим.

***

В извилистой галерее гулял осенний ветер. Хун Сяо во всех красках описывала захватывающий момент. Цзи Фаньинь была погружена в свои мысли.

— И еще…

Мягкий, как нефрит, голос прервал воспоминания Хун Сяо:

— Прошу прощения.

Перед глазами мелькнула белая тень. Цзи Фаньинь подняла взгляд и увидела человека, который уже появлялся в её снах и с которым она однажды мельком виделась в Пэнлае. Внезапная встреча заставила её замереть.

— Лин… госпожа Цзи, прошу прощения за беспокойство, я пришел извиниться за то, что произошло.

— Ничего страшного.

Её мысли были в полном беспорядке, она едва воспринимала слова.

— Госпожа Цзи, — Вэй Шань снова преградил ей путь, мягко улыбнувшись, — я всё равно беспокоюсь. Может быть, позволите осмотреть вас придворному лекарю?

— Моя госпожа уже сказала, что не нужно! Прошу вас, ван Пиннань, не будьте навязчивы! — Хун Сяо, словно защищая птенца, встала перед Цзи Фаньинь и повысила голос, выплескивая всю накопившуюся злость.

Вэй Шань заметно смутился, улыбка померкла, а взгляд стал печальным. Цзи Фаньинь вдруг почувствовала укол в сердце.

— Не будь с ним так строга, прошу тебя…

Она вздрогнула и огляделась — кто это прошептал ей на ухо?

— Госпожа, уходим!

Не успев отойти далеко, Цзи Фаньинь жестом остановила Хун Сяо.

— Вэй…

— Сылинь. Госпожа Цзи может называть меня так.

Цзи Фаньинь помедлила, но всё же произнесла:

— Ван Пиннань, я в полном порядке, благодарю за беспокойство.

— Госпожа Цзи, вы преувеличиваете. Это мы нечаянно вовлекли вас в неприятности…

В это же время в беседке напротив, в тени, стоял высокий мужчина с мрачным лицом. От него веяло холодом. Он так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони до крови, но он этого не чувствовал. Падение с небес в ад было сродни пытке.

Ци Цзесянь незаметно подошла к нему и достала заранее приготовленную нефритовую флейту, пытаясь отвлечь его внимание. Лян Сесяо не сводил глаз с людей в галерее, его взгляд был глубок и темен, словно холодная бездна.

— Брат Сяо, эта флейта…

Лян Сесяо, нетерпеливо поморщившись, холодно взял её, не желая слышать ни слова больше.

— …Прошу прощения, я пойду, — Цзи Фаньинь слегка поклонилась. Её взгляд случайно упал на Лян Сесяо, который забирал флейту из рук Ци Цзесянь.

В голове всплыл фрагмент: Ци Цзесянь после победы, словно гордый павлин, уходит, виляя бедрами. На её сумочке висела крошечная копия этой самой флейты.

При этой мысли Цзи Фаньинь холодно взглянула на мужчину напротив, но в душе её словно вспыхнул огонь, обжигая и лишая покоя.

http://bllate.org/book/25721/3075310